

Интервью епископа Подольского Илариона (Алфеева), представителя РПЦ при Евросоюзе официальному сайту Киево-Печерской Лавры

Владыка, как Вы считаете, какое место в нашей Церкви занимает сегодня авторитет учителя по сравнению с авторитетом учителя в секуляризованном обществе?

Боюсь, что кардинальной разницы между положением учителя в нецерковном обществе и в Церкви сегодня нет. В идеале работа учителя всегда признавалась и признается Церковью необходимой и почетной. Но достаточно ли она поддерживается у нас сегодня? Преподаватели наших духовных школ, по крайней мере во многих школах, которые я знаю, получают очень маленькие зарплаты. Конечно, с одной стороны, легко сказать, что надо людям платить больше, но, с другой стороны, откуда взять деньги? Тем не менее, мне кажется, что, если все-таки изменится отношение к духовному образованию, то есть, если оно будет восприниматься как первоочередная задача, то и средства будут найдены. Потому что, как правило, дело не в отсутствии денег. Если, например, начинается сбор средств на строительство какого-то памятника, который вызывал бы у людей память о чем-то, что им дорого, такие деньги быстро находятся, потому что люди жертвуют, вдохновленные благородной идеей. А, если бросить клич, что, вот, давайте будем жертвовать на стипендии студентам или на зарплаты преподавателям, мало кто откликнется. Необходимо, чтобы люди поняли важность развития образования, так как это — подготовка нашего будущего, как Церкви, так и общества.

Какая, на Ваш взгляд, стоит задача перед духовным образованием?

Когда вчера вечером я шел по улице, ко мне подошел молодой человек и попросил с ним побеседовать. В ходе беседы выяснилось, что ему 18 лет, он считает себя верующим, но эта вера никак не связана с Церковью. К Церкви он равнодушен и даже относится с некоторым предубеждением... Чем мы, церковные люди, можем вдохновить такого молодого человека? Я помню, что, когда мне было 18 лет, меня Церковь вдохновляла, влекла, она в сущности преобразила всю мою жизнь. Именно в этом возрасте я настолько «увлекся» Церковью, что никогда потом из нее не ушёл и в 20 лет стал ее служителем. Но как передать сегодняшней молодежи этот опыт, это горение и вдохновение? Ясно, что в пожилом возрасте многие приходят в Церковь, потому что жизнь толкает их к этому. Когда человека жизнь «побила», он приходит в Церковь потому, что ему больше некуда идти. И это хорошо. Дай Бог, чтобы люди приходили после жизненных потрясений именно в Церковь, а не в какие-нибудь секты, чтобы они в исповеди и Причастии искали исцеления, а не бежали к психиатру или психологу. Но, что может Церковь дать молодому человеку, здоровому, у которого все благополучно и которому как бы нет острой нужды во вмешательстве Бога? Я думаю, что на самом деле Церковь может дать очень многое каждому, может совершенно преобразить жизнь человека. Но как это все передать, как перебросить этот мост между нами и людьми, находящимися вне Церкви? Это очень большой вопрос. Мне кажется, что одна из задач духовного образования — научить будущих молодых пастырей общаться с молодежью на доступном ей языке.

Владыка, недавно вниманию широкой общественности были предоставлены два материала, связанные с конфликтом в Сурожской епархии после Вашего назначения туда викарным епископом: первый материал принадлежит Вам, а второй — адресованное Вам открытое письмо Митрополита Антония Сурожского. Публикации вызвали большой интерес и оживленную полемику. Возможно, эта история имеет стороны, которые нам неизвестны и которые прояснили бы реальное положение вещей?

В редакцию газеты «НГ-Религии» поступило открытое письмо Владыки Антония. Сотрудники газеты мне это письмо не показали, но сообщили, что они готовят материал о конфликте в Сурожской епархии, что у них уже есть материал, присланный епархией, и спросили, не хочу ли я изложить свою точку зрения на ситуацию. Я предоставил им материал, который они опубликовали с сокращениями. Но параллельно они напечатали письмо владыки Антония, с которым я не был знаком. Получилось, будто владыка Антоний отвечает на мой материал. На самом же деле ни он не видел мой текст, ни я его. Диалог был, если хотите, «инсценирован». Но результат вышел такой, каким его хотели видеть журналисты.

Открытое письмо владыки Антония было написано два месяца спустя после того, как я покинул Сурожскую епархию. Это свидетельствует о том, что конфликт, который там возник, не был исчерпан с моим отъездом. А начался он ещё до моего приезда. По сути, он начался сразу же после моего назначения.

Это назначение имело долгую предысторию. В течение нескольких лет его добивался владыка Антоний, который многократно писал Митрополиту Кириллу и Патриарху, всякий раз подчеркивая необходимость окормления русскоязычной паствы. Еще в 1999 году он написал Патриарху: «Наш Лондонский Собор (а также некоторые приходы) наводнены морем русских православных людей, требующих громадной пастырской работы, как в области их воцерковления, так и в сохранении «русскости» в вере, языке и преданности Родине... Прошу Вас, дорогой Владыка, благословите Вашу русскую, именно русскую паству,

прислав нам именно о. Илариона, который к своим богословским трудам и к раскрытию русской учености перед знатоками патристики в Кембридже может прибавить и роль подлинно русского Пастыря и учителя, ибо и в этой области у него есть опыт проникновения в ум и сердце тех, кого он учит. Я понимаю, что чем больше его хвалю, тем больше, быть может, Вы, Владыка, захотите иметь его при себе, но подумайте об отчаянной нужде прибывающих за границу русских людей, сирот поистине, и дайте и им верного наставника!».

В ноябре 2000 года владыка Антоний написал митрополиту Кириллу: «Рано или поздно Владыка Анатолий попросится на покой, и нам будет необходим второй Викарий, чисто русский, а с моим уходом на покой или путем переселения в Вечные Обители, его роль, тщательно подготовленная, может охватить значительную долю пастырской работы среди все возрастающей русской паствы. Владыка! Молю Вас — передумайте свое решение и подарите не нам только, но всей Русской Церкви верного и опытного работника в сложной и все расширяющейся области Пастырской и межцерковной работы. Настоятельно прошу Вас, Владыка! Примите мой совет».

В марте 2001 года Владыка Антоний направил на имя Патриарха новое письмо, в котором, ссылаясь на свой преклонный возраст, просил освободить его от должности епархиального архиерея, назначив на его место епископа Василия. В этом письме Владыка Антоний вновь затронул вопрос о назначении меня викарным архиереем Сурожской епархии: «Я хочу просить Вас, Владыка, назначить в Англию Викарием Сурожским игумена Илариона. Нам необходим русский епископ в помощь архиепископу Анатолию и новому епархиальному архиерею. Число русских настолько увеличилось, что ни я, ни Владыка Анатолий не можем осилить пастырскую работу, требующую обучения и духовного образования вновь прибывающих россиян... Я до сих пор никогда не обращался к Вам с такой настойчивостью, но время теперь не терпит: я уйду на убыль, а горизонты открываются все шире и глубже».

Наконец, 18 декабря 2001 года, после встречи с митрополитом Кириллом, Владыка Антоний написал Патриарху: «Обращаюсь теперь к Вам с дополнительной просьбой: о назначении отца Илариона викарием, кому будет поручено, как я Вам раньше писал, преподавание в Кембриджском университете и специальное окормление русской паствы, которая все растет... До сих пор русскими занимался усердно и успешно Владыка архиепископ Анатолий. Но, как Вы знаете из его собственного прошения, приближается время и ему уходить на покой. Я бы просил Вас «формально» удовлетворить его прошение, разрешив ему, однако, оставаться в Англии до времени, когда закончится постройка храма и окончательное оформление прихода в Манчестере. Новопоставленный епископ Иларион займется как в Лондоне, так и на всей территории епархии русскими, как в Великобритании, так и в Ирландии...»

Именно в результате неоднократных просьб владыки Антония меня и назначили в Сурожскую епархию. В планы митрополита Кирилла такое назначение не входило, но Святейший Патриарх и Синод пошли на это назначение из уважения к владыке Антонию, понимая, что ему надо помочь.

Конфликт в Сурожской епархии завязался после того, как я пригласил на свою архиерейскую хиротонию владыку Василия. Я всегда считал его человеком благородным, и мне искренне хотелось, чтобы он принял участие в моей хиротонии. Но во время моей хиротонии он увидел во мне не собрата и сослужителя, а соперника. Из того, что он видел, а может быть и слышал в Москве (люди ведь всегда обсуждают подобные назначения) владыка Василий решил, что меня рукополагают в качестве преемника владыки Антония. На самом деле никакого решения со стороны Патриархии на этот счет не было. Были только слухи. Их и привез с собой владыка Василий в Сурожскую епархию. Митрополит Антоний в своем открытом письме очень ясно описывает: «владыка Василий с твоей хиротонии вернулся в смущении», потому что «ходили слухи, что ты будешь назначен Сурожским Митрополитом». Это свое «смущение» владыка Василий распространил по всей епархии: вернувшись с моей хиротонии, он разослал письмо духовенству по электронной почте, где в очень странных выражения описывал мое назначение. Смысл этого письма сводился к тому, что епархия якобы ждала меня как священника и ученого, но, поскольку я был одним из кандидатов на рукоположение в Московском Патриархате, «они», то есть Московский Патриархат, прислали меня в качестве епископа. Так было положено начало конфликту.

В первый же день, когда я прибыл в Лондон и поехал в собор для того, чтобы встретиться с владыкой Антонием и получить его инструкции, он мне сказал, что я должен жить в Кембридже, потому что там приход «разрушен» отцом Иоанном Джиллионсом и его надо восстановить. «Кроме того, — сказал он, — ты должен объехать всю епархию, послужить на приходах, чтобы люди с тобой познакомились». Я спросил: «А как насчет Лондона?» Владыка ответил: «Ну, в Лондоне нас и так достаточно. Ты можешь, конечно, приезжать, чтобы люди тебя видели, но основное внимание обрати на приходы епархии». Из этого я понял (не сразу конечно, а со временем), что моя роль в епархии еще до моего приезда была как бы «переиграна». Если раньше в письмах Владыки Антония говорилось о «море» русских людей, которые именно в Лондоне требуют пастырского окормления, то, как только я прибыл, мне было сказано, что в Лондон ездить не обязательно.

Все это с самого начала создало вокруг меня двусмысленную ситуацию. Двое клириков епархии — священник Александр Фортиропулос из Лондонского собора и протоиерей Сергей Гаккель из-под Лондона, известный своим крайне негативным отношением к Московскому Патриархату, стали сразу же проявлять ко мне негативное отношение. Потом к ним добавился протоиерей Иоанн Ли из Лондона и одна очень влиятельная в епархии дама — председатель Епархиальной ассамблеи Ирина Кириллова. Из них сформировалась та группа, которая буквально с первых дней моего пребывания начала против меня кампанию.

По заданию владыки Антония я начал объезжать приходы. Оказалось, что раньше архиереи редко посещали приходы: владыка Антоний уже много лет почти не выезжает из Лондона, владыка Анатолий ездит в основном в Манчестер и лишь иногда в другие города, а владыка Василий тоже посещает приходы не слишком регулярно (на некоторых он за девять лет своего архиерейства не был ни разу). Когда я начал ездить по приходам, это вызвало очень большой подъём и энтузиазм среди духовенства. Мои визиты были везде восприняты очень положительно и, как в таких случаях часто бывает, о них заговорила вся епархия. Но чем более положительной была реакция духовенства и прихожан, тем более отрицательной становилось отношение ко мне владыки Василия и упомянутой группы людей. Доходило до того, что после того, как я приезжал на какой-то приход (а мои визиты всегда были очень краткими: приезжал, скажем, в субботу вечером, общался с настоятелем, утром служил Литургию, говорил проповедь, встречался с людьми и уезжал), туда звонил протоиерей Сергей Гаккель и начинал обливать меня и Московский Патриархат грязью, пугать священников тем, что Москва сюда назначила своего «агента», что всех англичан скоро погонят и заменят русскими. На это один священник ему ответил: «К нам приезжал другой человек — не тот, которого вы описываете». Но не знаю, все ли священники так реагировали; наверное, были те, кто поддались на эту пропаганду. Во всяком случае, именно такими способами искусственно создавался конфликт, которого, я считаю, вообще не должно было быть.

Мне приписывали всевозможные вещи, которых я не делал и не говорил. Утверждали, например, что я призывал закрыть существующие приходы и открыть вместо них новые, хотя в действительности я говорил о необходимости открытия новых приходов, но никогда о закрытии старых.

Ситуация в епархии сейчас непростая, так как епархия создавалась владыкой Антонием в те годы, когда в Англии практически не было русскоязычного населения, и поэтому миссионерская деятельность ориентировалась в основном на англичан. Приходы часто создавались в тех местах, где небольшая группа англикан переходила в Православие. Сейчас в Сурожской епархии числится двадцать девять приходов, но только в десяти из них служба совершается каждое воскресенье, еще в десяти — не реже раза в месяц, в остальных же раз или два в году. Большинство этих приходов существуют в небольших городах, а иногда и в деревнях, где на службу собирается 10-20 человек. Во многих же крупных городах, где проживает большое количество русскоязычных людей, приходов нет. Большинство священников по-русски не говорит. В Англии проживает огромное количество эмигрантов из бывшего Советского Союза: по разным подсчетам это 200—250 тысяч человек (такие цифры мне называли неофициально в Российском посольстве). Однако вся эта масса людей, за исключением Лондона и Оксфорда, где есть русскоговорящие священники, остается без пастырского окормления. То есть, существует колоссальный дисбаланс между нуждой людей в пастырях и тем, что реально может предоставить Сурожская епархия. Это понимал владыка Антоний, и именно поэтому он посылал письма Патриарху с просьбой прислать меня в Англию. Но все мои попытки наладить такое пастырское окормление и все разговоры о том, что в том или ином городе надо открыть приход или хотя бы попытаться создать какую-то общину, наталкивались на мощное сопротивление этой маленькой группы, которая всю мою деятельность перетолковывала в совершенно превратном ключе.

Я не буду рассказывать об этом в подробностях, потому что вся эта история, как сказал мой учитель владыка Каллист, пристально наблюдавший за развитием событий, напоминала кошмарный сон. Одно событие следовало за другим, конфликт нарастал, как снежный ком, и процесс этот уже невозможно было остановить. Были разные собрания духовенства, со мной вели частные разговоры, но все обвинения были расплывчатыми, неконкретными, а главное, не основанными на фактах. Владыка Антоний мне, например, сказал однажды: «Люди говорят, что ты будешь строить здесь епархию на идее епископского авторитета, а не на любви». Я говорю: «Владыко, а на чем основано это обвинение, на каких фактах?» Он ответил: «Я не знаю, но вот у людей сложилось такое ощущение». Всегда говорилось о «людях» и не назывались конкретные имена, но в реальности все обвинения и опасения проистекали от очень небольшой группы.

Все это продолжалось в течение трех месяцев. Потом стало понятно, что эти люди не остановятся, пока я не покину епархию. И когда это стало понятно мне и владыке Антонию, тогда мы договорились, что я напишу прошение об отставке Патриарху. При этом я надеялся, что все произойдет спокойно и тихо: я напишу прошение, поеду лично к Патриарху, сам расскажу о тех трудностях, которые там возникли, и меня переведут на другое место служения либо отправят за штат.

К сожалению, все вышло прямо наоборот. Как только я подал Патриарху прошение об отставке, Епархиальный совет Сурожской епархии сделал заявление, разместив его в Интернете и распространив по приходам, о том, что я «разъезжал» по приходам и общался исключительно с русскоязычным населением, что мой стиль богослужения не соответствует принятому в Сурожской епархии, что вера, исповедуемая Сурожской епархией, отличается от опыта Русской Церкви в целом и т.д. 16 июня это заявление перед Литургией было вручено владыке Антонию с тем, чтобы он его прочел прямо во время Литургии. После «Буди имя Господне...» он начал его читать. В какой-то момент он остановился и сказал: «Я больше не могу», — и ушел в алтарь. Тогда на амвон вскочила Ирина Кириллова в черном кожаном пальто и черных брюках. Поднялась буря. Народ кричал: «Чудовище!», «Пусть она уйдет с амвона» и т.д. Ситуация была ужасающей. Владыка Антоний сел в кресло и закрыл лицо руками. Дама дочитала заявление под крики прихожан. Потом владыка Антоний попросил меня закончить Литургию.

Когда я после Литургии давал народу крест, люди подходили ко мне, многие со слезами, и выражали сочувствие и поддержку. Сразу же стали собирать подписи в мою защиту. Таких подписей лишь в трех приходах епархии — Лондоне, Кембридже и Дублине — было собрано около 500 (а всего в епархии числится около 1000 человек). Вот что, например, написали Патриарху прихожане Лондонского собора: «С приездом Владыки мы связывали упования на то, что в жизни епархии начнется новый этап. Особые надежды возлагались на то, что растущая русскоязычная диаспора сможет получить должное пастырское окормление. Зная об особой духовной близости митрополита Антония и епископа Илариона, мы верили, что для Владыки Илариона будут созданы условия, позволившие бы ему плодотворно трудиться на благо епархии. Действительно, как в Лондонском кафедральном соборе, так и в других приходах епархии, которые посетил Владыка, люди встречали его с радостью и благодарностью, чувствуя в нем архипастыря, сердцу которого близки и понятны переживания и заботы как мирян, так и духовенства, как русских, так и англичан. Однако незначительная часть клириков и мирян, многие из которых настроены недружелюбно в отношении Московского Патриархата, создала разделение в епархии. Слухами и домыслами была создана атмосфера враждебности и нетерпимости с целью сделать пребывание Владыки Илариона в Сурожской епархии невыносимым. Одновременно начала подготавливаться почва для отделения от Московского Патриархата. Без объяснения причин епископ Иларион был отстранен от исполнения обязанностей vicарного архиерея, о чем клирики епархии были извещены епископом Сергиевским Василием. Мы хотим донести до сведения Вашего Святейшества, что мы успели полюбить и принять епископа Илариона как своего архипастыря». Под этим письмом было поставлено около 250 подписей.

А вот другое письмо за подписью около 100 человек, из храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Дублине, адресованное митрополиту Кириллу: «Мы весьма благодарны Господу за встречу с Владыкой Иларионом во время празднования Пасхи 2002 года. С первых же минут нашей встречи сердца сразу же безошибочно узнали в нем своего Владыку и Архипастыря, любящего отца и мудрого кроткого наставника, которого мы сразу же глубоко и искренне полюбили... Первая Пасхальная служба в нашем храме, проведенная Владыкой Иларионом, была для нас лучом света. Радость Воскресения Христова коснулась всех нас. Владыка Иларион провел в Ирландии прекрасные богослужения, которых мы были лишены много лет. Они переносили нас из состояния разрозненности и отчуждения в удивительное, возрождающее единство... Владыка Иларион имеет бесценный дар доносить до сердец слово Божие, как на русском, так и на английском языках. На этих богослужениях были не только русские, но и ирландцы, которые были глубоко тронуты проведением богослужений и проповедями Владыки Илариона... Нам трудно представить, во что обратится отъятие от нас Владыки Илариона. Ведь он нам подарил живую встречу с Богом в храме, обновление многих наших надежд... У нас появилось будущее!»

Несмотря на такую очевидную поддержку сотен людей, я понимал, что оставаться в епархии после всего того, что произошло, не смогу. Перед заседанием Синода я уехал в Москву для доклада Патриарху. Патриарх, владыка Кирилл и я беседовали в течение трех часов. Святейший предложил провести в епархии расследование, так как невозможно смещать с должности архиерея без веских канонических оснований. Я пересказал Святейшему слова владыки Антония, когда речь зашла о возможном направлении комиссии от Синода для расследования ситуации: «Никакую комиссию мы сюда не пустим, потому что она все равно ничего не выявит: у нас против тебя нет ни одного конкретного обвинения». Я просил Патриарха, чтобы меня отстранили от должности vicария Сурожской епархии, потому что понимал, что дальнейшее мое пребывание там будет только накалять страсти. Ведь весь конфликт был основан не на фактах, а на страстях и эмоциях.

17 июля решением Синода я получил новое назначение. Я надеялся, что на этом все закончится, но в очередной раз ошибся. Эти люди не успокоились. Либо для того, чтобы себя оправдать, либо по каким-то другим причинам они выпустили всю информацию о Сурожском конфликте в западную прессу. Предоставили материал в «Сервис Ортодокс де Пресс» — православную пресс-службу на французском языке. Давали интервью в крупные католические газеты типа «Юнивёрс». Протоиерей Сергей Гаккель и бывший игумен Мартирий Багин, который перешел в католичество и сейчас живет в Германии, дали

интервью Би-Би-Си, в котором описали этот конфликт как попытку захвата Москвой Сурожской епархии. Как выразился один из членов Синода, который слышал эту передачу, — единственное чего не делал протоиерей Сергей Гаккель в своей передаче, — это не ругался матом... Сейчас игумен Иннокентий Павлов ведет передачи на радио «София», где, опять же, смакует детали Сурожского конфликта, который обрастает все более фантазмагорическими подробностями. Все эти люди обливают грязью не только меня, но и руководство Русской Церкви.

В епархии, между тем, продолжалось возмущение, потому что хотя я провел там всего три месяца, многие люди успели меня полюбить и были потрясены тем, как со мной поступили. Кроме того, по рукам был пущен мой ответ на Заявление Епархиального совета. Тогда-то и появилось Открытое письмо владыки Антония, в котором он представил дело таким образом, будто в епархии есть мои «сторонники», которыми я управляю на дистанции и которые продолжают там сеять смуту. Более того, он обвинил меня в том, что я предал этот конфликт огласке в среде «иноязычных недоброжелателей» и тем самым «опозорил имя Русской Церкви по всей Европе и Америке». На самом же деле я не дал ни одного интервью ни одной западной газете, не выступал ни на радио, ни в интернете. Все публикации, которые появлялись на Западе, были подготовлены владыкой Василием и протоиереем Сергием Гаккелем. Именно они весь этот конфликт предали огласке и «опозорили имя Русской Церкви по всей Европе и Америке».

Я с самого начала считал, что никакой пользы не будет от огласки этого конфликта. Считаю, что не следовало читать за Литургией тот жуткий текст, который вызвал в епархии такой переполох. Не следовало владыке Василию и его сторонникам давать интервью католическим газетам, распространять информацию через французскую пресс-службу, через радио Би-Би-Си.

Самое печальное для меня во всей этой истории — то, что люди, развязавшие конфликт, постепенно втянули в него самого владыку Антония. В течение всего срока моего пребывания в епархии он пытался соблюдать «нейтралитет» и даже играть роль арбитра. Но после моего отъезда он фактически полностью идентифицировал свою позицию с позицией владыки Василия и его сторонников. Теперь, после его Открытого письма, все это выглядит как конфликт между мною и им. Но такого конфликта не было во время моего пребывания в епархии. Вообще я всегда относился к владыке Антонию с огромным уважением и не мог себе даже в страшном сне представить, что в один прекрасный день получу от него открытое письмо чрез газету — письмо, в котором он, к тому же, будет пересказывать вещи, которые я якобы сказал ему «как духовнику», т.е. на исповеди. Во всем этом есть что-то очень трагическое и горькое...

Нынешняя история, происшедшая в Сурожской епархии, «аукнулась» дискуссией в русской православной диаспоре относительно роли Московского Патриархата на Западе. Сейчас в западной православной среде довольно широко обсуждается вопрос о том, какой курс возьмёт Московский Патриархат по отношению к своим зарубежным епархиям. Говорят о том, что Москва интересуется только русскими, что её не интересуют ни англичане, ни французы, которые в своё время перешли в Православие. В подтверждение приводятся последние заявления Московского Патриархата, связанные с католическим прозелитизмом, где говорится что наши приходы существуют на Западе не для прозелитических целей, а для того, чтобы окормлять русскоязычную паству. Но переиначивать эти слова таким образом, будто наши приходы существуют только для русских, совершенно неправильно. Речь идет о том, что наши приходы на Западе не имеют прозелитических целей: они находятся там не для того, чтобы обращать англичан или католиков в Православие. Конечно, отдельные случаи обращения в Православие бывают, так же как бывают случаи обращения православных в католичество на нашей «канонической территории», но у нас нет никакой прозелитической стратегии по отношению к Западу, мы не пытаемся обратить Англию или Францию в Православие. Сейчас же, в связи с тем, что огромное количество эмигрантов из бывшего СССР находится на Западе, одна из первоочередных задач всех наших зарубежных епархий — дать возможность им приобщиться к Церкви. Эти люди ушли на Запад тогда, когда у нас возрождение Церкви только началось, и они не успели получить тот доступ к Церкви, который имеется ныне у всех живущих в России, Украине и других бывших союзных республиках. Надо дать им этот доступ. Именно поэтому, я думаю, необходимо нам усиление работы с русскоязычной паствой при, конечно же, сохранении всего того, что было достигнуто за предыдущие десятилетия.

В чем состоит Ваше новое назначение?

Я назначен представителем Русской Православной Церкви при европейских международных организациях, то есть, прежде всего, при Европейском Союзе. Идея создания такого представительства вынашивалась очень давно, и у нас уже была в течении нескольких лет постоянная делегация при Евросоюзе, которую возглавлял владыка Лонгин. Теперь она преобразована в постоянное Представительство.

Какой Вам видится работа Представительства?

Я думаю, что у этого Представительства должны быть три основных направления деятельности.

Во-первых, это участие в работе европейских политических структур по всем тем вопросам, которое касаются религии. Русская Православная Церковь не является «Церковью России»: её паства рассеяна по всему миру, в том числе и по странам Евросоюза, и для нас далеко не безразлична та модель

взаимоотношений между Церковью и миром, которая создается на Западе. Сейчас, например, ведется спор о том, должна ли где-либо в будущей европейской конституции или в других документах, которые определяют лицо объединенной Европы, упоминаться христианство или религия вообще. Франция, например, настаивает на том, чтобы никаких упоминаний о религии не было, то есть, чтобы религия воспринималась как сугубо частное дело тех, кто ее практикует. Но такая редукция религии, сведение ее к частному благочестию противоречит миссионерскому императиву большинства христианских церквей, которые хотят быть частью общества и которые де-факто играют очень заметную роль в формировании характера новой Европы. Я думаю, что в этом плане Русская Церковь может внести свой вклад. У нас есть для этого достаточные интеллектуальные силы, ведется большая аналитическая работа. Если материал, который заложен в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», станет доступен на Западе, — это уже будет большим делом.

Второе направление деятельности Представительства должно быть связано со средствами массовой информации. Сейчас в западной прессе создан негативный образ Русской Церкви, хорошего о Русской Церкви пишут очень мало, чаще пишут какие-нибудь гадости. Если бы наше Представительство озвучило голос нашей Церкви на языке, доступном западному человеку, это стало бы очень важным направлением его деятельности и могло бы со временем внести вклад в изменение отношения к нашей Церкви на Западе. Наконец, третье направление — это межхристианские контакты, которые можно осуществлять при помощи Представительства.

Какие Ваши впечатления от пребывания в Киеве, и что бы Вы пожелали православным Украины?

Для меня очень большая радость вновь приехать в Киев: это мой третий визит. Совершить Божественную Литургию в Успенском соборе Лавры, помолиться с людьми, увидеть их лица, увидеть, как они откликаются на слово — все это служит большим утешением. Хочу пожелать всем, кто здесь трудится и живет, чтобы и дальше продолжался процесс возрождения Церкви, процесс, в ходе которого преображаются души тысяч людей. Хочу пожелать, чтобы скорее прекратились те раздоры и расколы, которое существуют в Украине. На борьбу с расколом уходит много сил, а они так необходимы для созидательной работы. Дай Бог, чтобы раскол был уврачеван и чтобы православные в Украине вновь восславили Бога «единым сердцем и едиными усты».